

ЛУИЗА МЭЙ

ОЛКОТТ

*РОЗА
И СЕМЬ БРАТЬЕВ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Луиза Мэй Олкотт
Роза и семь братьев

«Издательство АСТ»

1875

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Олкотт Л.

Роза и семь братьев / Л. Олкотт — «Издательство АСТ»,
1875 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-146904-7

Основные темы тетралогии «Маленькие женщины» Олкотт продолжает в другом своем романе – «Роза и семь братьев». Когда застенчивая и хрупкая Роза осталась сиротой, ее судьбой занялась вся многочисленная семья Кэмпбеллов. Привыкшая к тихим коридорам школы-интерната девочка переезжает в оживленный дом, где двоюродные бабушки и тетушки рвутся воспитать из нее леди, а семь разновозрастных кузенов – включить в свои игры. Точку в их споре расставляет приезд опекуна – дяди Алека: с его подачи в расписании появляются прогулки, интереснейшие уроки и множество приключений, которые возвращают Розу к полноценной жизни... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-146904-7

© Олкотт Л., 1875

© Издательство АСТ, 1875

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Луиза Мэй Олкотт Роза и семь братьев

Louisa May Alcott

EIGHT COUSINS OR, THE AUNT-HILL

Школа перевода В. Баканова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Луиза Мэй Олкотт (1832–1888) выросла в «литературной семье», в окружении знаменитых поэтов, писателей и философов. И првй же ее роман, опубликованный в 1868 году и носящий во многом автобиографичный характер, – «Маленькие женщины» – не просто стал сенсацией своего времени, но и обессмертил имя писательницы.

* * *

*Посвящается многочисленным мальчикам и девочкам,
на чьи письма я не успела ответить.*

Примите эту книгу в знак примирения от друга.

Л. М. Олкотт

Предисловие

Автор отдает себе отчет в том, что нижеизложенная история небезупречна, – когда пишешь по частям, этого не избежать. Эксперимент дяди Алека описан здесь, чтобы позабавить юных читателей, а вовсе не для того, чтобы навязать определенные педагогические взгляды взрослым. Надеюсь, друзья «Розы и семи братьев» простят мне мелкие погрешности, и обещаю исправиться в следующем романе, «Расцвет Розы».

Глава первая

Две девочки

Роза одиноко сидела в большой гостиной, держа наготове носовой платочек, чтобы поймать первые слезинки, потому что собиралась подумать о своих несчастьях и, естественно, приготовилась к рыданиям. Гостиная, которую она выбрала, была идеальным местом для грусти – темная и тихая, со старинной мебелью и мрачными шторами; стены были увешаны портретами серьезных пожилых джентльменов в париках, носатых дам в пышных чепцах и пучеглазых детишек в кургузых кафтанчиках и платицах с высокой талией. Комната как нельзя лучше подходила, чтобы погоревать, а порывистый весенний дождик барабанил по стеклам и словно говорил: «Давай поплачем вместе!»

Причин грустить у Розы было предостаточно, ведь она давно лишилась матери, и теперь, когда умер отец, дом его пожилых тетюшек стал единственным пристанищем девочки. Роза жила здесь всего неделю; добросердечные старушки, как могли, пытались ее развеселить, однако не преуспели. Им еще не доводилось иметь дело с такой девочкой – казалось, их заботам поручили не ребенка, а печальную бабочку.

Розе предоставили полную свободу, и пару дней она исследовала дом – старинный особняк с огромным количеством укромных уголков, чудесных комнат и таинственных коридоров. В самых неожиданных местах обнаруживались окна; выходящие в сад балкончики настраивали на романтический лад, а в обширном холле на верхнем этаже располагалась коллекция диковин, привезенных со всех частей света, – несколько поколений Кэмпбеллов служили капитанами дальнего плавания.

Тетюшка Изобиллия даже позволила Розе залезать в большой сервант – заветную сокровищницу, где хранились лакомства, столь милые детскому сердцу; однако Роза не соблазнилась угощениями, и тетюшка Изобиллия опустила руки.

Ласковая тетюшка Идиллия предлагала заняться рукоделием и сшить кукольный гардероб. Любая девочка пришла бы в восторг, однако Роза осталась безучастной к розовым сатиновым шляпкам и крохотным рукавчикам. Впрочем, она прилежно шила, пока тетюшка не обнаружила, что девочка тайком утирает слезы шейфом кукольного подвенечного наряда – на этом кружок рукоделия прекратил существование.

Затем дамы посовещались, выбрали самого образцового ребенка в округе на роль подруги для внучатой племянницы. Образцовая Анабелла Блисс оказалась самым большим разочарованием – Роза знать ее не захотела, сказала, что Анабелла похожа на восковую куклу – так и тянет ущипнуть, чтобы проверить – взвизгнет или нет. Благовоспитанную Анабеллу отправили домой, а измотанные тетюшки на пару дней оставили Розу в покое.

Погода стояла ненастная и холодная, поэтому Роза большую часть дня проводила дома – в библиотеке, где хранились отцовские книги. Там она много читала, иногда плакала и предавалась мечтам – светлым и невинным, которые часто приносят радость и утешение впечатлительным натурам. Подобное времяпрепровождение устраивало ее как нельзя лучше, однако плохо сказывалось на здоровье. Девочка становилась все более бледной и вялой, взгляд ее тускнел. Напрасно тетюшка Изобиллия пичкала ее железом, словно растила кухонную печь, а тетюшка Идиллия непрерывно ласкала, словно комнатную собачку.

Видя бесплотность усилий, бедные тетюшки снова поломали голову и решили прибегнуть к отчаянным мерам, хоть и без особой надежды на успех. Грандиозный сюрприз был назначен на вечер субботы, и тетюшки питали слабую надежду, что столь неожиданный ход все же развеселит необычную девочку, а до поры Розу предоставили самой себе.

Не успела Роза начать плакать, как тишину комнаты нарушил некий звук, заставивший ее наострить уши. Пела птичка, однако, несомненно, очень одаренная, так как тихое щебетание сменилось задорным свистом, затем трелью, потом птица заворковала, затем чирикнула и наконец издала последовательность нот, похожую на хохот. Роза тоже рассмеялась и, забыв о горестях, вскочила на ноги, взволнованно воскликнув:

– Это же пересмешник! Где он?

Она бегом спустилась в холл и выглянула в обе двери, но кроме потрепанной курицы под лопухом ни одного пернатого во дворе не наблюдалось. Роза снова прислушалась: пение, кажется, доносилось из дома. Подстегиваемая азартом охотника, Роза пошла вслед за переменчивой песнью и оказалась у посудной кладовой.

– Кладовая? Как странно! – воскликнула Роза.

В кладовой никаких птиц не оказалось, кроме целующихся ласточек на сервизе из кантонского фарфора, расставленного на полках.

Вдруг лицо Розы просветлело, она отодвинула створку окошка и заглянула в кухню. Пение внезапно оборвалось, девочка в голубом переднике чистила камин, а больше никого в кухне не было. Роза какое-то время разглядывала девочку, затем спросила:

– Ты слышала пересмешника?

– Это скорее птичка-фиби! – хитро блеснув черными глазами, ответила девочка.

– Куда она делась?

– Она здесь!

– Где?

– В моем горле. Хотите еще послушать?

– Еще как! Я сейчас!

И Роза вместо того, чтобы обойти и воспользоваться дверью, вылезла прямо через окошко на широкую полку со стороны кухни – так ей не терпелось.

Девочка вытерла руки, встала на сухом островке каминного коврика среди мыльных пузырей, и из ее тоненького горлышка полилось ласточкино щебетанье, воробьиное посвистывание, клич голубой сойки, пение дрозда, воркование лесной горлицы и многие другие знакомые Розе звуки, а завершилось представление, как и ранее, мелодичными переливами, какие издает рисовая птичка, порхая над зеленой лужайкой погожим июньским днем.

От изумления Роза чуть не свалилась со своего наеста и, когда концерт закончился, радостно хлопала в ладоши.

– Это было чудесно! Кто тебя научил?

– Птицы, – улыбнулась девочка и вернулась к работе.

– Волшебно! Я тоже умею петь, но с тобой мне точно не сравниться! Скажи, пожалуйста, как тебя зовут?

– Фиби Мур.

– Вот кто настоящая птичка-фиби! – рассмеялась Роза.

Затем с интересом посмотрела, как стекают по кирпичам мыльные разводы, и добавила:

– А можно я посмотрю, как ты моешь? Мне скучно одной в гостиной.

– Смотрите, если хотите! – разрешила Фиби и под восхищенным взглядом Розы ловко отжала тряпку.

– Должно быть, весело мылить и поливать водой, – заметила Роза, зачарованно наблюдая за новым для нее занятием. – Вот бы попробовать, да только тетушка вряд ли разрешит...

– Устанете, да и платье запачкаете – лучше уж посмотрите со стороны!

– Ты здорово помогаешь маме, верно?

– У меня нет родных.

– Тогда где ты живешь?

– Здесь буду, если оставят... Дебби ищет помощницу, меня взяли на неделю – попробовать.

– Хоть бы ты осталась, мне было бы веселей! – воскликнула Роза, она очень прониклась к девочке, которая пела, как птица, и работала, как взрослая женщина.

– Надеюсь! Мне ведь уже пятнадцать, пора зарабатывать. А вы надолго приехали? – спросила Фиби, удивленно поглядывая на гостью и гадая – о чем грустить девочке в шелковом платье, переднике с изящными оборочками и бархатной лентой в волосах?

– Да, я жду приезда дяди. Он теперь мой опекун, и я пока не знаю, что он насчет меня решит. А у тебя есть опекун?

– Боже правый! Конечно нет! Меня подбросили на порог рабочего дома совсем малюткой, а мисс Роджерс меня пожалела – там я и жила. Но она умерла, и теперь я сама по себе.

– Как интересно! Совсем как Арабелла Монгомери в «Цыганской дочери». Милейшая история! Ты читала? – спросила Роза, которая обожала книги о найденных и читала их в большом количестве.

– У меня нет книг, в свободное время я обычно бегу в лес – это развлечение получше книжек, – ответила Фиби (она уже покончила с мытьем печи и перешла к следующему заданию).

Роза смотрела, как ее новая знакомая достает большую кастрюлю нелущеной фасоли, и думала – каково это только работать и не иметь времени на игры.

Фиби, вероятно, решила, что теперь ее очередь задавать вопросы, и сказала с легкой завистью в голосе:

– А вы, наверное, много учились?

– О да! Я провела в пансионе почти год и чуть не умерла, столько было уроков! Сделаешь одно задание, мисс Паэур дает еще несколько – я была ужасно несчастна, все глаза выплакала! Вот папа никогда не задавал слишком сложных уроков и был терпелив, у него мне нравилось учиться. Мы с папой очень любили друг друга, нам было хорошо вместе. А теперь он умер, а я совсем одна...

Когда Роза пыталась заплакать в гостиной, у нее ни слезинки не вытекло, а теперь два ручья полились по щекам, говоря о любви и горе лучше, чем любые слова.

Какое-то время тишину кухни нарушали лишь всхлипывания осиротевшей девочки и шум плачущего за окном дождя. Фиби перестала греметь фасолью о дно кастрюльки, она смотрела полными жалости глазами на склоненную кудрявую головку Розы и понимала – под симпатичным медальоном страдающая от потери душа, а элегантный фартук залит слезами, которые горше ее собственных.

Фиби внезапно примирилась со своим скромным коричневым платьем и клетчатым передником, зависть сменилась состраданием; Фиби даже захотела обнять страдающую гостью.

Однако обниматься она не посмела и вместо этого сказала бодрым голосом:

– Вы не одиноки, мисс! Гляньте, сколько у вас родственников – все богатые да образованные. Дебби говорит – они вас до смерти заласкают, потому что вы единственная девочка в семье.

Последние слова Фиби заставили Розу улыбнуться сквозь слезы, она отняла фартук от просветлевшего лица и сказала с наигранно-трагическим голосом:

– Представляешь, какое несчастье? Тети за меня дерутся, а я их толком и не знаю. Теперь понятно, почему папа в шутку называл этот дом «Усадьбой тетушек».

Обе девочки рассмеялись, и Фиби сказала:

– Многие его так называют, и название подходящее – ведь еще и остальные миссис Кэмпбелл заезжают проведать старушек.

– Тетушки еще полбеда – у меня же полным-полно кузенов – все мальчишки, а я ненавижу мальчиков – они несносны! Парочка даже заезжала навестить меня в прошлую среду, но

я осталась в кровати и, когда тетушка пришла меня звать, притворилась спящей. Как подумаю, что мне все же придется с ними встретиться...

Роза даже вздрогнула – они с отцом жили уединенно, с мальчиками она совсем не общалась, и они представлялись ей чем-то вроде диких животных.

– О, они вам понравятся! Приезжают и носятся то на лошадях, то на лодках. Позабавитесь на славу, если любите лошадей и лодки.

– Не люблю! На воде меня укачивает, лошадей я боюсь, а мальчишек – терпеть не могу!

Несчастливая Роза в отчаянии заломила руки. Каждое из этих зол она стерпела бы, но все сразу – это было слишком, и она подумала, не вернуться ли в ненавистную школу.

В ответ на горестное восклицание Фиби расхохоталась так, что фасоль запрыгала в кастрюле, однако попыталась найти слова утешения.

– Может быть, дядюшка найдет вам место без мальчиков. Дебби говорит – он добрый и всегда приезжает с гостинцами.

– Видишь ли, беда в том, что я совсем не знаю дядю Алека. Он никогда нас не навещал, хотя часто присылал подарки. А теперь он мной распоряжается, и до восемнадцати лет я должна его слушаться. Мне так страшно – вдруг он мне вообще не понравится?

– К чему волноваться заранее? Я бы на вашем месте радовалась жизни. Столько родственников – живи себе припеваючи да развлекайся целыми днями, – начала Фиби, но ее прервал шум и грохот, доносящиеся с улицы.

Обе девочки подпрыгнули.

– Гром?... – предположила Фиби.

– Цирк приехал! – воскликнула Роза, которая разглядела с высоты своего насеста уголок яркого фургона и развевающиеся гривы пони.

Шум смолк, девочки собирались вернуться к доверительной беседе, однако на кухне появилась Дебби – немолодая, сердитая и сонная после дневного отдыха.

– Мисс Роза, вас зовут в гостиную.

– Кто-то приехал?

– Девочки не должны задавать вопросов, они должны делать, что велено, – ответила Дебби.

– Только бы не тетушка Майра! Она меня пугает: все спрашивает, не лучше ли мой кашель, и причитает, словно я уже не жилец, – пожаловалась Роза, намереваясь выйти тем же путем – через окошко для подачи блюд: худенькая девочка спокойно проходила в отверстие.

– Лучше бы тетушка Майра, чем эти... А вы, мисс, заходите в кухню через дверь, а не то посажу в печку вместо индейки! – проворчала Дебби.

Она искренне верила, что детей полагается бранить по любому поводу.

Глава вторая

Клан

Роза все же выползла через кладовку и там некоторое время приводила себя в порядок и набиралась храбрости, попутно корча рожи воображаемой Дебби. Затем медленно прокралась по коридору и заглянула в гостиную. Никого не было видно, стояла тишина. Роза решила, что все ушли наверх, и смело шагнула в полуоткрытые раздвижные двери. От представшей ее глазам картины у девочки перехватило дыхание.

Перед ней в ряд стояли семеро мальчишек – разных возрастов и роста, однако, как один, рыжеволосых и голубоглазых, одетых в традиционные шотландские костюмы. При виде Розы они дружно заулыбались, закивали и сказали почти хором:

– Как поживаете, кузина?

Роза негромко вскрикнула и стала отчаянно озираться в поисках пути для отступления. Страх преумножил число мальчиков, и Розе показалось, что они заполнили всю комнату.

Сбежать она не успела, потому что самый высокий паренек вышел вперед и любезно произнес:

– Не пугайтесь! Члены клана Кэмпбеллов пришли поприветствовать вас. Я – Арчи, предводитель клана – к вашим услугам.

Говоря это, он протянул смуглую руку, и Роза робко вложила в нее свою маленькую белую ладошку. После крепкого рукопожатия Арчи продолжил приветственную речь:

– Мы прибыли в парадном облачении по случаю вашего приезда. Вам нравится? Осталось представить ребят. Здоровяк – это принц Чарли, сынок тетушки Клары. Он у нее единственный, поэтому самый лучший. Это Мак – он у нас книжный червь, мы зовем его просто Червь – для краткости. Этот красавчик – Стив, он же Денди. Обратите внимание на его перчатки и прическу! Мак и Стив – сыновья тетушки Джейн, чудеснейшая парочка, поверьте! А эти оболтусы – Джорди и Уилл, кстати, мои братья, как и малыш Джейми. Ну же, ребята, где ваши манеры?

После этого призыва, к ужасу Розы, к ней протянулось еще шесть рук, и стало понятно, что нужножать их все. Для робкой Розы это оказалось нелегким испытанием, однако она напомнила себе, что, раз родственники пришли поприветствовать ее, надо ответить со всей сердечностью.

Когда пышная церемония подошла к концу, члены клана нарушили строй и разбрелись по углам, отчего комната разом наполнилась мальчишками. Роза торопливо ретировалась в большое кресло и наблюдала за перемещениями захватчиков из укрытия, надеясь, что кто-нибудь из тетушек скоро придет ей на выручку.

Каждый из мальчиков, сияясь соблудности приличия, бродя по комнате, хоть раз останавливался рядом с Розой, отпускал краткое замечание, получал еще более краткий ответ и с облегчением отходил.

Первым подошел Арчи. Он облокотился на спинку кресла и произнес покровительственным тоном:

– Рад, что вы приехали, кузина. Надеюсь, «Усадьба тетушек» придется вам по вкусу.

– Не сомневаюсь.

Мак споткнулся о табуретку, откинул челку с глаз и вдруг без лишних церемоний спросил:

– Ты привезла с собой книжки?

– Четыре полные коробки. Они в библиотеке.

Мак испарился, к креслу приблизился Стив, принял позу, наилучшим образом демонстрирующую костюм, и любезно произнес:

– Жаль, мы не увиделись в среду. Надеюсь, ваша простуда прошла?

– Да, спасибо! – ответила Роза, улыбаясь при воспоминании о своей маленькой хитрости.

Стив считал, что удостоился особого внимания, задрал нос выше обычного и отошел, а к Розе подскочил принц Чарли и сказал весело и непринужденно:

– Мама передает привет и надеется, что ты будешь хорошо себя чувствовать и приедешь к нам на денек на следующей неделе. Тебе, наверное, безумно скучно тут одной – эдакой малышке.

– Мне уже тринадцать с половиной, я просто выгляжу младше! – выпалила Роза. Она, пусть и недавно, уже вступила в подростковый возраст, и непризнание этого факта возмутило ее настолько, что девочка позабыла стеснение.

– Прошу прощения, мэм! Никогда бы не подумал!

Чарли, посмеиваясь, отошел, довольный тем, что расшевелил робкую кузину.

Джорди и Уилл приблизились вместе, два крепких малых, одиннадцати и двенадцати лет; они вперились в Розу голубыми глазами и выпалили по одному вопросу каждый.

– Ты привезла обезьянку?

– Нет, она умерла.

– Тебе дадут лодку?

– Надеюсь, нет.

На этом парочка развернулась, словно по команде «кругом!», и сменила дислокацию; тут малыш Джейми спросил с детской непосредственностью:

– Ты мне что-нибудь подаришь?

– Да, много конфет! – ответила Роза, после чего Джейми уселся к ней на колени, наградил звонким поцелуем и объявил, что она ему очень нравится.

Роза смутилась, тем более что остальные мальчики начали посмеиваться, и спросила маленького захватчика, спеша перевести тему:

– Ты видел, как проехал цирк?

Мальчишки заволновались и наперебой восклицали:

– Где? Когда?

– Незадолго до вас! Ну то есть было похоже на цирк – я разглядела красно-черную повозку, и много-много лошадок, и...

Закончить Розе не удалось, все разом расхохотались, Арчи, отсмеявшись, объяснил:

– Вы видели нашу новую повозку и шетландских пони! Этот цирк вам еще надоест, кузина!

– Их было много, они быстро проехали, и тележка такая яркая!.. – попыталась объяснить ошибку Роза.

– Пойдем, сама увидишь! – воскликнул принц Чарли.

Роза оглянуться не успела, как оказалась в конюшне, где ей представили трех лохматых пони и показали новенький блестящий экипаж.

Роза еще ни разу не забредала в эту часть владений и засомневалась – прилично ли ей вообще здесь находиться, однако на ее робкое «вдруг тетушка будет против» последовало единодушное и громогласное «она сама велела тебя развлечь, где еще развлекаться, как не здесь, не по дому же бродить!».

– Как бы мне не простудиться без накидки, – начала Роза. Ей хотелось остаться, но было не по себе.

– Не простудишься! Сейчас мы все устроим! – вскричали мальчишки и засуетились: один нахлобучил Розе на голову шляпу, другой накинул на плечи жесткую куртку, завязав на шее

рукава, третий чуть не задушил, обернув попоной, а четвертый с торжественным возгласом распахнул дверцу старой коляски, которая стояла в конюшне:

– Прошу вас, мэм! Устраивайтесь поудобней, а мы покажем вам представление!

Затем Роза восседала, словно именитая гостья, и веселилась от души, так как мальчики исполнили «хайланд флинг»¹ с таким мастерством и задором, что она хлопала в ладоши и хохотала, чего с ней не случалось давным-давно.

– Что скажете, душечка? – спросил раскрасневшийся и запыхавшийся Чарли после танца.

– Великолепно! Я один раз была в театре, и там танцевали гораздо хуже! Какие вы, должно быть, талантливые! – воскликнула Роза и милостиво улыбнулась кузенам, словно маленькая королева своим подданным.

– Ну да, и правда ничего. Это мы еще волынки не захватили, а то «спели бы, сыграли бы для вас мотив сладчайший», – процитировал Чарли, воодушевленный похвалой.

– Я и не знала, что у нас шотландские корни, папа ничего про Шотландию не рассказывал – разве что иногда просил меня петь старинные баллады, – сказала Роза.

Ей вдруг показалось, что Америка осталась где-то далеко и она одна в чужой стране.

– Мы тоже недавно узнали. Как-то читали шотландские романы и вспомнили, что дедушка был шотландцем. Изучили старые книги, раздобыли волынку, замотались в пледы и стали жить по законам клана. Уже довольно давно, и это очень весело! Взрослые не возражают, – сказал Арчи и вскарабкался на ступеньку.

Остальные мальчики облепили коляску со всех сторон и присоединились к разговору, отдыхая после танца.

– Я Фитцджереймс, а он Родерик Дху², у нас есть боевые клинки, мы и тебе дадим! Незаменимая штука, поверь! – добавил Принц.

– Слышала бы ты, как Стив играет на волынке! Трубит как полагается! – воскликнул Уилл с облучка – ему тоже не терпелось похвастаться достижениями товарищей по клану.

– А Мак вычитал в старых книгах, как правильно одеваться, нашел нам песен и стихов! – Джорди вставил слово об отсутствующем Черве.

– А что делаете вы с Уиллом? – спросила Роза у Джейми, который сидел рядом, видимо, решив не выпускать ее из виду до вручения обещанных конфет.

– О, я посыльный и выполняю разные поручения, а Уилл с Джорди – солдаты, когда мы идем войной; они же олени, когда охотимся, и предатели, когда хотим отрубить кому-нибудь голову.

– Уверена, они прекрасно справляются! – сказала Роза, а универсальные Уилл с Джорди смущенно и гордо заулыбались и решили при первой возможности порадовать кузину исполнением сценки из жизни Монторза и Уоллеса³.

– А теперь в салки! – воскликнул Принц, звонко шлепнул Стиви по плечу, ухватился за потолочную балку и взлетел наверх.

Денди полез следом – прямо в перчатках, а остальные бросились врассыпную, словно твердо вознамерились как можно скорее переломать шеи и повывихивать руки-ноги.

Для Розы, недавно приехавшей из добропорядочного пансиона, зрелище было новым и захватывающим, она наблюдала за мальчишками, затаив дыхание, и думала, насколько они интересней, чем мопс и даже горячо любимая покойная обезьянка.

¹ Хайланд флинг – один из четырех старейших традиционных шотландских танцев.

² Фитцджереймс и Родерик Дху – персонажи поэмы «Дева озера» Вальтера Скотта.

³ Сэр Уильям Уоллес – шотландский рыцарь, один из военачальников в войне за независимость от Англии. Герцог Монторз – аристократический титул в пэрстве Шотландия.

Уилл снискал всеобщее восхищение, скатившись кубарем с огромного стога и при этом не убившись, и тут в конюшне появилась Фиби – она принесла плащ с капюшоном, галоши, а также послание от тетушки Изобиллии: «Мисс Розу срочно зовут домой».

– Хорошо! Сейчас доставим! – откликнулся Чарли и отдал некий таинственный приказ, который моментально привели в исполнение: мальчишки ухватились за дуги коляски, где все еще сидела Роза, и с грохотом выкатили экипаж из конюшни, промчали по двору и с восторженными воплями остановились у парадной двери – в верхнем окошке появились два чепчика, а Дебби закричала с заднего крыльца:

– Вот негодники! Прибьете бедняжку!

Однако «бедняжке» приключение явно пошло на пользу, она взбежала по ступеням порозовевшая, повеселевшая и растрепанная и была встречена причитаниями тетушки Изобиллии, которая заклинала ее немедленно пойти прилечь.

– Нет, пожалуйста, не надо, тетушка! Позвольте нам остаться и выпить с нашей дорогой кузиной чаю – мы будем тише воды ниже травы! – загалдели мальчишки.

Им понравилась «дорогая кузина», а также они вовсе не собирались отказываться от чая – тетушка Изобиллия славилась щедрыми угощениями.

– Что ж, милые мои, оставайтесь! А сейчас успокойтесь и дайте Розе привести себя в порядок и переодеться, а потом посмотрим, чем бы нам полакомиться, – сказала старушка и засеменила прочь из комнаты, а вслед ей посыпался град пожеланий.

– Тетушка, мне бы мармеладу!

– И сливовый пирог побольше, пожалуйста!

– Скажите Дебби подать печеные груши!

– Я за лимонный пирог, мэм!

– Приготовьте лучше пончики! Розе они точно понравятся!

– Пирожные ей понравятся больше!

Роза явилась пятнадцатью минутами позже с идеально уложенными локонами и в самом нарядном кружевном фартуке. Мальчики бродили по длинному холлу, и Роза остановилась на лестничном пролете, чтобы хорошенько рассмотреть новообетенных кузенов.

Семейное сходство было бесспорным, хоть чьи-то рыжие волосы были темнее, а чьи-то светлее; чьи-то щеки смуглее, а чьи-то румянее, и возрасты отличались – начиная с шестнадцатилетнего Арчи, заканчивая Джейми, который был на десять лет младше. Никто, кроме Принца, красотой не блистал, однако все были крепкими и веселыми ребятами, и Роза пришла к выводу, что кузены не настолько ужасны, как она себе представляла.

Наблюдая, Роза невольно улыбнулась – каждый мальчик выбрал себе занятие, отражающее его характер. Арчи и Чарли, очевидно неразлучные друзья, плечом к плечу ходили туда-сюда и насвистывали «Красавчик Данди»⁴; Мак читал в уголке, поднеся книгу к близоруким глазам; Денди приглаживал волосы, любясь своим отражением в овальном зеркале; Джорди и Уилл изучали внутреннее устройство напольных часов с луноликим циферблатом; Джейми лежал на полу у подножия лестницы и молотил ногами, очевидно поджидая Розу, чтобы потребовать обещанные сладости.

Роза предвосхитила его намерение и осыпала сверху засахаренными сливами.

Все оглянулись на восторженные крики малыша и заулыбались, увидев кузину: она стояла на лестнице и являла собой премилую картину: мягкие локоны, застенчивый и добрый взгляд, светящееся улыбкой лицо. Черное платье напоминало о перенесенной девочкой потере, и мальчишечьи сердца преисполнились желанием позаботиться о «дорогой кузине», для которой «Усадьба тетушек» стала единственным домом.

– Вот она, во всей красе! – вскричал Стив и послал Розе воздушный поцелуй.

⁴ «Красавчик Данди» – шотландская песенка на стихи Вальтера Скотта.

– Спускайтесь, мисси! Стол уже накрыт, – ободряюще добавил Принц.

– Я провожу! – это Арчи торжественно предложил сестре руку, отчего та покраснела, как помидор, и едва не убежала.

Вечерняя трапеза прошла оживленно, двое старших братьев не переставали ее веселить, мучая младших намеками про занятный сюрприз, который якобы скоро будет преподнесен. Они утверждали, что сюрприз невероятно хорош, однако пока должен оставаться в строжайшем секрете.

– А я когда-нибудь это видел? – спросил Джейми.

– Видел, но вряд ли помнишь. Вот Мак и Стив видели и остались довольны, – ответил Арчи, а те двое надолго позабыли о восхитительных пончиках Дебби и принялись ломать голову.

– Кому сюрприз достанется первому? – спросил Уилл, набив рот мармеладом.

– Думаю, тетушке Изобиллии.

– Когда? – спросил Джорди, подпрыгивая на стуле от нетерпения.

– В понедельник.

– Боже правый! О чем толкует этот мальчишка? – воскликнула старушка.

Из-за высокого чайника торчал лишь верхний бант ее чепца.

– Тетушка тоже не знает? – вскричал хор голосов.

– Нет! Тетушка обрадуется больше всех.

– Какого он цвета? – присоединилась к общему волнению Роза.

– Синий с каштановым.

– Его едят? – спросил Джейми.

– О, я бы не советовал! – расплескав от смеха чай, ответил Чарли.

– Чей он? – вставил Стив.

Арчи и Принц озадаченно посмотрели друг на друга, потом Арчи, хитро поблескивая глазами, ответил, вызвав новый взрыв хохота у Чарли:

– Наверное, дедушки Кэмпбелла!

Последовала пауза, после которой все оставили попытки найти разгадку, только любопытный Джейми тихонько пожаловался Розе, что вряд ли доживет до понедельника.

Вскоре после трапезы члены клана отбыли, во весь голос распевая шотландский военный марш.

– Ну что, дорогуша, тебе понравились кузены? – спросила тетушка Изобиллия, когда за поворотом исчез хвост последнего пони и гвалт затих вдалеке.

– Вполне, мэм. Правда, Фиби мне понравилась больше.

Тетушка Изобиллия всплеснула руками и засеменила к сестре – тетушке Идиллии. Она подумала, что никогда она не поймет это дитя и скорей бы приехал Алек и снял с нее ответственность.

Роза, утомленная непривычно активным днем, свернулась в уголке дивана и размышляла о большом секрете, уже подозревая, что узнает о нем одна из первых.

Мало-помалу она погрузилась в сон, и ей приснилось, что она снова дома, в своей кровати. Над ней склонился отец со словами «Моя малышка Роза!». «Папа!» – воскликнула она во сне. Отец обнял ее и нежно поцеловал.

Сон был настолько сладок и похож на явь, что девочка пробудилась с радостным криком и увидела смуглого бородатого незнакомца.

– Я твой дядя Алек, малышка! – сказал он.

Голос настолько походил на отцовский, что Роза прильнула к дядиной груди.

Глава третья

Дядюшки

Проснувшись на следующее утро, Роза засомневалась – не приснился ли ей вчерашний вечер? Она вскочила с постели и оделась за час до обычного времени подъема – заснуть все равно не удалось бы, ей не терпелось спуститься и проверить, есть ли в коридоре большой саквояж и чемоданы. Она смутно помнила, что споткнулась о них накануне, отправляясь спать.

В небе сияло солнце. Роза распахнула окошко, впустив в комнату теплый майский ветерок и свежесть моря. Затем она вышла на балкончик и, перегнувшись через перила, стала наблюдать, как ранние птички охотятся за червяками, и гадать, понравится ли ей дядюшка Алек. Тут она увидела мужчину – он перемахнул через ограду сада и, насвистывая, пошел по тропинке к дому. Сначала Роза решила, что в их владения забрался злоумышленник, затем присмотрелась и поняла, что это дядя возвращается после утреннего купания. Накануне она не посмела его толком рассмотреть, смущаясь его пронизательного взгляда. Зато сейчас дядя неторопливо шел по тропинке, радуясь возвращению в родные места, а Роза могла беспрепятственно его разглядывать.

Смуглый и веселый, он то и дело решительно мотал кудрявой головой, смахивая волосы со лба. Дядя в синем пиджаке под цвет глаз был широкоплечий и ловкий, излучал надежность и силу; Роза подумала, что рядом с ним нечего бояться. И с облегчением сказала самой себе:

– Думаю, он мне понравится, хотя...

Тут доктор Алек поднял глаза на цветущий конский каштан и увидел наверху любопытное личико. Он помахал Розе рукой, кивнул и крикнул грубовато-весело:

– В такую рань уже на палубе, племянница?

– Я хотела проверить, не приснились ли вы мне...

– И как? Спускайся, сама убедишься!

– Мне нельзя выходить на улицу до завтрака, сэр.

– Неужели? Что ж, тогда я поднимусь на борт тебя поприветствовать.

На глазах изумленной Розы дядя Алек, перехватываясь руками, вскарабкался по одному из столбов, вылез на крышу веранды, взялся за перила балкона, подтянувшись, перемахнул через них и приземлился рядом с девочкой.

– Вы все еще сомневаетесь в моем существовании, мэм? – спросил он.

Опешившая Роза не нашла что ответить, она лишь улыбнулась и приблизилась к гостю.

– Как поживаете, мисс? – спросил тот, сжимая протянутые холодные ручки большими теплыми ладонями.

– Неплохо, благодарю вас, сэр!

– А почему не «хорошо»?

– У меня по утрам голова болит, и я чувствую себя разбитой.

– Ты не высыпaeшься?

– Долго не могу заснуть, а потом всякие сны снятся, вот я и не успеваю отдохнуть...

– Что ты делаешь днем?

– О, я читаю, иногда рукодельничаю, сижу с тетушкой, сплю.

– Значит, домашними делами не занимаешься, по двору не бегаешь и верхом не ездешь?

– Тетушка Изобиллия говорит, мне надо поберечься. Я иногда выезжаю с ней в коляске, но мне не очень нравится.

– Неудивительно, – буркнул дядя Алек себе под нос и добавил в обычной бодрой манере: – А с кем ты играешь?

– Раньше играла с Анабеллой Блiss, но она невозможная дурочка, я терпеть ее не могу! Вчера заезжали мальчики – они мне очень даже понравились, но с ними играть нельзя...

– Это еще почему?

– Я уже слишком большая, чтобы водиться с мальчиками.

– Глупости! Это как раз то, что тебе нужно, с тобой слишком долго сюсюкались! Они хорошие ребята, и вам в любом случае предстоит общаться в будущем, поэтому почему бы не подружиться сейчас и не стать товарищами по играм? Девочку я тебе тоже поищу – только разумную, не испорченную дурацким воспитанием.

– Фиби разумная! – воскликнула Роза, с которой разом спала сонливость. – Мы только вчера познакомились, но я уверена в этом!

– Скажи, пожалуйста, кто такая Фиби?

Роза торопливо рассказала их историю знакомства, а дядя Алек внимательно выслушал; в уголках его рта таилась улыбка, а глаза пристально изучали лицо рассказчицы.

– Рад слышать, что ты не кичишься благородным происхождением, и все же – чем именно тебя привлекла девочка из работного дома?

– Смейтесь, если хотите, но она мне и правда очень понравилась! Она кажется счастливой, много работает, красиво поет, умеет мыть и чистить и ни из-за чего не горюет, – путано объяснила Роза.

– Откуда ты знаешь?

– О, я рассказала ей о своем горе и спросила, есть ли несчастья у нее. А она ответила: «Вообще-то нет, но я бы хотела учиться в школе. Ну да ничего – когда-нибудь обязательно поучусь!»

– То есть она не называет сиротство, бедность и тяжелый труд несчастьем? Стойкая девочка, я бы ей гордился!

Дядя Алек одобрительно кивнул, и Роза вдруг пожалела, что одобрение адресовано не ей.

– А каково твое горе, дитя? – спросил он, помолчав.

– Не спрашивайте, дядя...

– Ты ведь поделилась с Фиби, поделись и со мной!

Он так это сказал, что Роза решила – лучше выложить ему все сразу.

– Самое большое горе – потерять папу... – быстро ответила она, покраснев и отводя глаза.

Дядя Алек осторожно обнял ее, привлек к себе и сказал (голос его удивительно походил на папин):

– Этому горю я не в силах помочь, дитя, но постараюсь облегчить твои страдания. Что еще тебя тревожит, дорогая?

– Я все время чувствую себя усталой и больной, почти ничего не могу делать – ужасно досадно! – Роза раздраженно потерла глаза.

– Это мы обязательно исправим! – сказал дядя и снова решительно мотнул головой, тряхнув кудрями. Среди каштановых прядей Роза разглядела седину.

– Тетушка Майра говорит – у меня недостаточно крепкое здоровье, и я всегда буду слабой, – с некоторой гордостью сообщила Роза.

– Тетушка Майра... кхм... чудесная женщина, однако искренне уверена, что все мы одной ногой в могиле и – готов поклясться – обижается, что до сих пор не двумя! Давай продемонстрируем тете Майре, как правильно укреплять здоровье и превращать бледных маленьких призраков в крепких краснощеких девочек! – разгорячился доктор Алек, а затем добавил тише, видя, что слегка напугал Розу: – Я как-никак врач...

– Я и забыла! Хотелось бы поправиться, только... вы же не пропишете очень много лекарств? Я и так принимаю целую кучу, а лучше не становится.

Роза указала на батарею пузырьков на маленьком столике по другую сторону окна.

– А-ха! Посмотрим, что задумали чудесные тетушки! – воскликнул доктор Алек и протянул руку через окно.

Он выстроил лекарства в ряд на перилах и принялся внимательно изучать, иногда улыбаясь, а иногда хмурясь. Изучив последний, произнес:

– Смотри, как нужно принимать эту бурду!

Роза и глазом не успела моргнуть, как пузырьки один за другим со звоном посыпались вниз.

– Ой, что скажет тетя Изобиллия?.. И тетушка Майра рассердится – это она большинство лекарств прислала! – вскричала Роза со смесью страха и радости при виде столь радикальных мер.

– Я возьму на себя ответственность, ты теперь моя пациентка. К тому же мои методы лечения явно лучше – смотри, ты уже порозовела!

Он рассмеялся так заразительно, что Роза последовала его примеру и лукаво спросила:

– А если ваши лекарства окажутся не лучше тетиних, их тоже выбросить?

– Если я пропишу подобную ерунду, смело кидай за борт! Итак, что еще тебя тревожит?

– Я надеялась, вы уже не спросите...

– Но ведь я должен знать, чтобы помочь. Ну же, расскажи мне про третье горе.

– Это, наверное, нехорошо, но я иногда думаю, что у меня... слишком много тетушек...

Они все очень хорошие и обо мне заботятся, но они такие разные и словно тянут меня в разные стороны, – пожаловалась Роза.

В тетушкином доме она чувствовала себя цыпленком, над которым кудахчут сразу шесть куриц.

Дядя Алек расхохотался, по-мальчишески запрокинув голову; он прекрасно представлял, как добросердечные дамы гребут в разные стороны и тем самым лишь баламутят воду и сбивают с толку бедную Розу.

– Давай посмотрим, как методы дядюшек отразятся на твоём здоровье. Отныне я за тебя отвечаю единолично и ничьих советов спрашивать не собираюсь. Капитан на судне должен быть один – иначе порядку не будет! О чем еще горюешь?

Вместо ответа девочка замерла и густо покраснела – дядя сразу догадался, что именно ее тревожит.

– Не знаю, как сказать... – пробормотала, запинаясь, Роза, – невежливо выйдет, к тому же я, кажется, зря опасалась...

Доктор Алек заговорил серьезно и ласково, глядя вдаль на море. Его искренние слова надолго остались у девочки в памяти.

– Дитя мое, я не жду, что сразу завуюю любовь и доверие, но обещаю стараться изо всех сил; а если совершу ошибки на пути (что очень вероятно), никто не будет сожалеть о них горше, чем я сам. Я хочу быть тебе лучшим другом, а ведь ты меня едва знаешь... Это целиком моя вина и первая ошибка – о, как бы я хотел ее исправить!.. Понимаешь, мы с твоим отцом однажды поссорились, я думал, что никогда его не прощу, и мы не виделись много лет. Слава Богу, мы успели примириться перед его кончиной, и в подтверждение братской любви он поручил мне дочь. Я поклялся стать ей хорошим отцом, хоть и никогда не заменю настоящего! Если когда-нибудь она полюбит меня хоть немного, я буду бесконечно горд и счастлив! Разрешишь ли она попытаться?

Выражение лица дяди Алека тронуло Розу до глубины души, он смотрел на нее с такой надеждой и тревогой, что девочка потянулась и вместо ответа поцеловала его в щеку в знак согласия. Дядя обнял ее, и Роза почувствовала, как он облегченно вздохнул; никто из них не произнес больше ни слова, и оба вздрогнули, когда раздался стук в дверь.

Роза просунула голову в окно и крикнула «войдите!», а доктор Алек торопливо отер глаза рукавом и принялся насвистывать.

Появилась Фиби с чашкой кофе.

– Дебби велела помочь одеться, – сказала Фиби, округлив в удивлении черные глаза, недоумевающая, как приезжий «моряк» оказался в комнате.

– Я уже одета, помощь не нужна, – сказала Роза, затем добавила, нетерпеливо поглядывая на дымящийся напиток: – Надеюсь, кофе достаточно крепкий!

Однако до кофе она не добралась – смуглая дядина рука перехватила чашку.

– Стоп! – быстро скомандовал дядя. – Дайте-ка я подкорректирую дозу. Ты всегда пьешь такой крепкий кофе по утрам, Роза?

– Да, сэр, я люблю кофе! Тетушка говорит, он бодрит, и я потом лучше себя чувствую.

– Поэтому и не можешь заснуть – сердце слишком сильно бьется, и поэтому же щечки у тебя изжелта-бледные, а не румяные. Никакого кофе, дорогуша, ты скоро убедишься в моей правоте. Есть ли на кухне парное молоко, Фиби?

– Да, сэр, сколько угодно! Только надоили!

– Вот подходящий напиток для моей пациентки! Принеси полный кувшин и еще одну чашку. Я бы тоже глотнул молочка. Жимолость нервной системой не обладает, ей хуже не будет!

К крайнему недовольству Розы, кофе отправился вслед за лекарствами.

Доктор Алек заметил, какой обиженный у девочки вид, однако оставил его без внимания, а потом исправил положение, пообещав:

– Подарю тебе славную чашечку для молока, я привез ее издалека, она сделана из целебного дерева и делает полезным любой напиток. Кстати, одна из коробок, которые Фиби вчера отнесла наверх, – твоя! Зная, что дома меня ждет новоиспеченная дочка, я собирал по дороге разные симпатичные безделицы в надежде, что ей что-нибудь приглянется. Завтра с утра пораньше можешь их посмотреть. А вот и молоко! Пью за здоровье мисс Розы Кэмпбелл!

Роза представила коробку, полную чудесных подарков, и перестала дуться. Она невольно улыбнулась, выпила за собственное здоровье и нашла, что парное молоко – вполне сносное лекарство.

– Побегу, пока меня не застукали на месте преступления! – сказал доктор Алек и спустился тем же путем, что и поднимался.

– Вы всегда входите в дом по-кошачьи, дядя Алек? – спросила Роза.

Дядины причуды чрезвычайно ее забавляли.

– Когда я был маленьким, я вылезал через окно, чтобы не тревожить тетюшек, а сейчас карабкаюсь по мачтам без снастей для поддержания формы. К тому же это самый короткий путь! Увидимся за завтраком!

Он соскочил по водосточной трубе на крышу террасы, затем – по столбу на землю и скрылся в зарослях цветущей жимолости.

– Какой забавный *опекатель*! – воскликнула Фиби, удаляясь с чашками.

– Да, и, кажется, очень добрый! – ответила Роза и последовала за Фиби, чтобы побродить среди коробок и разведать, которая из них принадлежит ей.

Дядя спустился, когда позвонили к завтраку, и нашел Розу за столом – та с тревогой смотрела на стоящую перед ней тарелку.

– Постигла новая беда, Розочка? – спросил он и потрепал племянницу по голове.

– Дядя, я что – должна есть овсянку? – трагическим тоном спросила Роза.

– А ты ее разве не любишь?

– Не – на – ви – жу! – отчеканила Роза, для большей убедительности передернув плечами и отвернув нос от тарелки.

– Какая же ты шотландка, если не любишь кашу? Жаль, я сам варил, думал, мы хорошенько сдобрим кашу сливками и чудно позавтракаем...

Дядя сел за стол с разочарованным видом.

Роза приготовилась упорно отказываться, ибо правда ненавидела овсянку всей душой, однако дядя Алек почему-то не настаивал. Она передумала и решилась попробовать.

– Съем ложечку, чтобы вас не огорчать, дядя. А вообще я терпеть не могу кашу, потому что все твердят, какая она полезная, – сказала Роза и слегка смутилась: отговорка прозвучала довольно глупо.

– Надеюсь, тебе понравится! Я мечтаю, чтобы моя девочка была сильной и здоровой, как парни Джесси, а те воспитаны на старой доброй овсянке. Никакого жареного хлеба и прочего баловства, и смотри-ка – самые крепкие и видные из всей братии!

Затем доктор Алек отвернулся, чтобы поприветствовать тетюшку Изобиллию сердечным «Доброе утро, тетя! Благослови вас Господь!», а Роза села за стол, готовая рискнуть жизнью и отведать немного каши.

Разговор за столом был интересным, и через пять минут она забыла, что именно кладет в рот – так весело дядя Алек болтал обо всем на свете. Было забавно, как тетюшка Изобиллия называет сорокалетнего племянника «мой дорогой мальчик». Роза и не заметила, как расправилась с ненавистной овсянкой.

Когда с завтраком было покончено, старушка спросила:

– Ты пойдешь с нами в церковь, Алек? Если, конечно, не слишком устал с дороги.

– Я специально мчал сюда из самой Калькутты, мэм! Только нужно сообщить сестрам о моем приезде, а то они ждали меня только завтра. И мальчишки устроят переполох в церкви, если увидят меня неожиданно.

– Пошлю Бена на холм к Джесси, а ты загляни к Майре, порадуй ее – времени у тебя предостаточно.

Доктор Алек тотчас же отбыл и вернулся, только когда к главному входу уже подали старую коляску. Тетюшка Изобиллия спустилась, шурша лучшим воскресным платьем, а за нею тенью следовала одетая в черное Роза.

Процессия тронулась. Дядя Алек почти не успевал надевать шляпу – так часто встречались на пути знакомые, с которыми он раскланивался и перекидывался шутками, несмотря на торжественный день.

Предупредить мальчиков заранее было в высшей степени благоразумно – они пришли в невероятное возбуждение, и старшие родственники с ужасом ждали, что их отпрыски позабудут, где находятся, и выкинут что-нибудь неподобающее. Семь пар глаз сверлили дядю Алека, а то, что они творили во время службы, трудно поддается описанию.

Роза, сидящая рядом с доктором Алеком, вскоре не смела поднять глаз, потому что поведение невоспитанных мальчишек касалось и ее – она чуть не плакала от смущения и в то же время еле сдерживала смех.

Чарли заговорщицки подмигивал ей поверх маминого веера; Мак открыто тыкал пальцем, указывая на высокую дядину фигуру; Джейми без конца оборачивался на дядю так, что Роза стала опасаться – не свернет ли он от усердия шею; Джорди вертелся, пока не упал со скамейки, уронив при этом молитвенник; Уилл изрисовал чистые манжеты моряками и китайцами и издали демонстрировал Розе рисунки; Стив и вовсе едва не сорвал церемонию, притворившись, что сейчас лишится чувств от радости и слишком активно вдохнув нюхательной соли; даже степенный Арчи низко пал, написав в своем молитвеннике «разве он не чудо?» и тихонько показав запись кузине.

Бедная Роза старалась сосредоточить внимание на дядюшке Маке – дородном и добродушном джентльмене, который не замечал, как бесчинствуют члены клана, и мирно дремал в уголке. С дядей Маком Роза познакомилась раньше, чем со всеми остальными дядюшками. Дядя Джем и дядя Стив – мужья тети Джесси и тети Клары, вечно ходили по морям, а тетя Майра была вдовой. Дядюшка Мак был торговцем, состоятельным и вечно занятым, а дома

держался тихо, как мышка. При жене предпочитал помалкивать, полностью отдав ей бразды правления.

Розе он нравился – большой, добрый и молчаливый, именно он приехал за ней после смерти папы, всегда присылал гостинцы в пансион и часто приглашал в свои огромные склады, где хранились разные сорта чая, специй и вина, а также разные диковинные фрукты. Он всегда разрешал Розе есть, сколько захочется, и брать угощение с собой. Она втайне думала, что лучше бы он был ее опекуном, однако, увидев дядю Алека, перестала сожалеть, к тому же строгую тетюшку Джейн она побаивалась.

После службы дядя Алек поспешил выйти на крыльцо, где юные нарушители порядка облепили его плотным кольцом, пока родные жали ему руки и приветствовали с радостью в сердцах и улыбками на лицах. Розу чуть не раздавили, однако дядя Мак спас ее из опасного положения, усадив в коляску.

– Девочки, обязательно приходите ужинать с Алеком! И ты, Мак, разумеется. Мальчишек не приглашаю, этих сорванцов я принимать не готова. Пусть едут по домам и ждут до понедельника! Разве можно так вести себя на службе? – возмущалась тетюшка Изобиллия, усаживаясь в коляску вслед за Розой.

В другом месте обиженные мальчишки устроили бы рев, но у церкви они лишь ворчали и пытались спорить, пока дядя Алек не утихомирил их следующим замечанием:

– Не расстраивайтесь, ребята! Завтра пообщаемся сполна, а сейчас расходитесь спокойно, а то не видать вам подарков!

Глава четвертая

Тетушки

Роза давно чувствовала, что надвигается разговор о ее дальнейшей судьбе, а после ужина и вовсе не осталось сомнений, когда тетушка Изобиллия отослала девочку из гостиной, шепнув:

– Беги-ка наверх, побудь с сестрицей Идиллией, дорогая. Почитай ей, будь добра, а мы пока решим кое-какие дела.

Роза послушалась. В верхних комнатах было тихо, как в церкви, и тишина действовала успокаивающе. Для милой старушки, которая вот уже много лет терпеливо ждала избавления от земных тягот, Роза была едва ли не единственной отрадой.

Роза слышала о любовной драме, которая случилась у тети Идиллии в юности, отчего прониклась к доброй тетушке еще большей симпатией. В двадцать лет Идиллия собиралась выйти замуж. Все было готово к свадьбе, платье и цветы ждали невесту, счастливый час почти настал, и тут пришло известие, что возлюбленный погиб. Казалось, хрупкая Идиллия не переживет потери, однако она мужественно приняла удар судьбы, убрала подвенечный наряд и начала с чистого листа. С тех пор так и жила, оставаясь красивой и кроткой, волосы ее поседели с годами, а щеки больше никогда не окрасились румянцем. Она не одевалась в черное, наоборот, предпочитала нежные цвета, словно готовилась к несостоявшейся свадьбе.

Прошло тридцать лет, тетушка Идиллия медленно увядала, однако сохраняла веселый нрав, деятельную натуру и живо интересовалась другими членами семьи. С особенным участием она относилась к радостям и горестям юных девушек, была им верной подругой во время взлетов и поддержкой во время испытаний, у нее часто спрашивали совета и доверяли ей тайны. Тетушка Идиллия повсюду несла с собой покой и умиротворение. Взглянув на ее кроткое лицо в обрамлении седых волос, всякий на время забывал о неприятностях.

Тетушка Изобиллия разительно отличалась от сестры – тучная, разговорчивая и резковатая дама с острыми глазками и румяными, как яблоки, щеками. Она вечно сновала туда-сюда, болтала без умолку и хлопотала – простая женщина, поглощенная мирскими заботами и не ведающая другого счастья.

Роза не ошиблась. Пока она читала псалмы тетушке Идиллии, внизу в гостиной решалась ее судьба.

– Ну что, Алек, как тебе девочка? – начала тетушка Джейн, когда все расселись (дядюшка Мак устроился в уголке и по обыкновению задремал).

– Эх, если бы я воспитывал ее изначально, было бы легче, и результат был бы иным... Бедняга Джордж вел слишком уединенный образ жизни, это не слишком хорошо сказалось на ребенке. А тут еще смерть отца. Состояние у нее неважное...

– Дорогой мой мальчик, в ожидании твоего приезда мы ухаживали за ней, как могли! Я всегда говорила Джорджу – так нельзя воспитывать детей, но он меня не слушал, и вот результат – только поглядите на бедняжку! Мы за нее в ответе, а я, если честно, ума не приложу, что делать с этой диковинной птичкой...

Тетушка Изобиллия озадаченно покачала головой. Кольца сиреневой ленты на ее чепчике заколыхались, словно лепестки крокуса на ветру.

– Я устроила девочку в прекрасную школу, там бы ей и остаться! Но нет – она жаловалась, и наши тети ее забрали! С тех пор девочка бездельничает. А она и так уже достаточно избалованная! – сурово проговорила миссис Джейн.

Тетушка Джейн поместила Розу в пансион строгих правил, откуда ежегодно стройными рядами выходили прекрасно образованные девушки. Розе там было плохо, тетушки сжалились

и позволили ей не возвращаться в школу после каникул, а дожидаться опекуна дома, за что тетя Джейн до сих пор на них сердилась.

– По-моему, правильно! Эта школа не подходит для будущей наследницы состояния, коей Роза является. Она же не собирается зарабатывать на жизнь учительством или еще чем-то! Ее бы на пару лет в пансион благородных девиц, а в восемнадцать можно и в свет вывести... – вмешалась тетушка Клара.

В прошлом она слыла первой красавицей и королевой балов и по сей день не потеряла привлекательности.

– Боже мой! Как вы можете обсуждать образование и планы на будущее? Неужели не ясно, что бедное дитя вот-вот сойдет в могилу? – вздохнула тетушка Майра, трагически шмыгая носом (она страдала хронической простудой) и мрачно покачивая головой в траурном чепце.

– Ей нужна свобода, отдых и забота, больше ничего! Никто не заменит ребенку матери, а это единственное, чего ей по-настоящему не хватает. У девочки такая тоска в глазах, что просто сердце разрывается! – со слезами сказала тетушка Джесси, представив собственных сыновей, осиротевших, как Роза.

Дядя Алек молча слушал, потом развернулся к сестре и энергично кивнул в знак согласия.

– Верно, Джесси! Надеюсь, мы с тобой хотя бы частично заменим отца и мать.

– Я постараюсь, Алек! И да, тебе понадобится моя помощь. Ты, конечно, очень умный, но вряд ли поймешь нежное и застенчивое создание, вроде Розы. Здесь нужна женщина, – улыбнулась брату миссис Джесси, преисполнившись материнской нежности.

– У меня, между прочим, была собственная дочь – кому, как не мне, воспитывать девочку? Почему Джордж не доверил ее мне – ума не приложу, – печально заметила тетушка Майра; она единственная из всей семьи произвела на свет девочку, чем очень гордилась. Злые языки, однако, поговаривали, что она залечила ребенка насмерть.

– А я его прекрасно понимаю, – резко сказала миссис Джейн. – Вспомнить только, какие опасные эксперименты ты проводила на бедняжке Каролине!

– Ни слова больше, Джейн Кэмпбелл! Каролина – это святое, я не потерплю высказываний на эту тему! – вскричала тетушка Майра и встала, чтобы покинуть комнату в негодовании.

Доктор Алек задержал ее, решив, что лучше сразу четко обозначить свою позицию и твердо ее придерживаться, иначе предприятие грозит провалиться.

– Дорогие мои, давайте не будем ссориться и делить Розу, как собаки кость. Хотя, ей-богу, она и правда почти скелет, бедняжка... Вы отвечали за нее целый год и делали, что считали нужным. Не могу сказать, что добились больших успехов – но, скорее всего, это лишь эффект «семи нянек». В следующем году я попробую свои силы и, если по истечении указанного срока ее состояние не улучшится, сложу полномочия и передам девочку кому-нибудь другому. По-моему, вполне справедливое решение.

– Бедное дитя все равно не протянет целый год, так что и передавать не придется, – произнесла тетушка Майра, комкая черные перчатки.

– Боже правый, Майра! Ты и святого выведешь из себя! – сверкнул глазами доктор Алек. – Нагоняешь на ребенка страху своими пророчествами! Она же впечатлительная, теперь рисует себе ужасные картины и всего боится. Внушила Розе, что она слаба здоровьем, а она и рада. Будь ее здоровье действительно слабым, уже была бы «одной ногой в могиле» твоими стараниями! Оставь девочку в покое, я сам разберусь, а если нужна будет помощь, дам знать!

– Верно сказано! – в полусне пробормотал дядюшка Мак из своего угла.

– Что ж, ты законный опекун, тебе и решать. Ясно одно – ты избалуешь девочку – избалуешь донельзя! – мрачно предрекла миссис Джейн.

– Благодарю за замечание, сестра. Однако позволь поинтересоваться: если женщина безупречно воспитывает двух сыновей – как ты, например, почему бы мужчине не попытаться справиться хотя бы с одной девочкой? – отозвался доктор Алек, хитро шурясь.

Остальные члены семьи заулыбались – все знали, что мальчишки Джейн более избалованные, чем все остальные дети, вместе взятые.

– Лично я согласна, пусть Алек ее подлечит, а потом отправим в пансион к мадам Рокабелле! – сказала тетушка Клара, оправляя пышное платье и предвкушая, как выведет в свет красивую и образованную племянницу.

– А ты останешься здесь? Жениться еще не надумал? А то давно пора! – вмешалась миссис Джейн, задетая последним выпадом брата в ее адрес.

– Это вряд ли! – ответил доктор Алек и поспешно перевел тему: – А не выкурить ли нам по сигаре, Мак?

– Не женись, – проворчал дядюшка Мак, – женщин в этой семье и так предостаточно!

И джентльмены торопливо удалились.

Прежде чем дамы успели возобновить разговор, появилась Роза со следующим посланием:

– Тетушка Идиллия зовет всех к себе.

Щеки девочки покраснелись от всеобщего внимания, и тетушка Майра нависла над ней, заслонив солнце зловещим чепцом, и провела по лицу Розы жесткими кончиками пальцев в черной перчатке, озабоченно бормоча:

– Боже мой! Похоже на чахотку!

Тетушка Клара, склонив голову набок, оценивающе разглядывала племянницу.

– Хорошо, что кудри натуральные! Цены им не будет в будущем! – заявила она.

– С твоим дядюшкой о школьной программе можно забыть, полагаю... У него на уме лишь глупые спортивные забавы, – добавила тетушка Джейн и с видом оскорбленного достоинства покинула комнату.

Тетушка Джесси молча поцеловала племянницу, глядя на нее с такой нежностью и сочувствием, что Роза крепко ее обняла на прощанье и проводила до двери благодарными глазами.

Когда гости разъехались, доктор Алек в сгущающихся сумерках около часа мерил шагами холл; он напряженно думал, то хмурясь, то улыбаясь, то подолгу застывая на одном месте.

Наконец, решившись, он сказал самому себе:

– Начну-ка сейчас же, развлеку ее немного, а то она наслушалась зловещих предсказаний Майры и лекций Джейн и бродит мрачнее тучи.

Он порылся в одном из стоящих в уголке сундуков и выудил изящно расшитую шелковую подушечку, а также затейливую чашку темного дерева.

– Для начала хватит! – сказал он, взбил подушку и вытер пыль с чашки. – Буду действовать осторожно, чтобы не спугнуть. Надо осторожно завлечь, войти в доверие, а потом с ней будет проще справиться.

В это время из столовой вышла Фиби с тарелкой черного хлеба для Розы – той не разрешили есть к чаю печенье.

– Я немного угощусь! – сказал доктор Алек, отломил приличный кусок и удалился в кабинет, оставив Фиби удивляться его хорошему аппетиту.

Она удивилась бы еще больше, если бы увидела, как доктор скатал хлебный мякиш в маленькие пилюли и сложил их в красивую коробочку слоновой кости, предварительно вытряхнув оттуда свои запасы сушеного любистока.

– Ну вот. Если они настаивают на лекарствах, пропишу вот эти – вреда не будет. Поступлю по-своему, зато постараюсь сохранить мир, а когда эксперимент удастся, признаюсь! – сказал он сам себе, улыбаясь, как озорной мальчишка, взял нехитрое лекарство и вышел.

Позже Роза развлекала тетюшку Идиллию игрой на органе; дядюшка Алек общался со старушками, слушал неумелую игру и постоянно возвращался мыслями к другой Розе, которая тоже когда-то для него играла.

Когда пробило восемь, он объявил:

– Кому-то пора в постель, чтобы не проспять завтрашний день – а то я столько всего интересного запланировал! Иди посмотри, я кое-что принес тебе.

Роза подбежала и с неподдельным интересом начала слушать рассказ доктора Алека.

– Я много странствовал по миру, собирал лучшие лекарства, и мы с тобой их опробуем. Эта подушечка набита травой, мне подарила ее одна мудрая старуха, когда я тяжело заболел в Индии. Там шафран, мак и другие травы успокоительного действия. Положи ее сегодня под голову, спи сладко, кошмары не будут тебя мучить, и наутро ты проснешься без головной боли.

– Правда? Как приятно пахнет!

Роза с радостью приняла подарок и, пока доктор рассказывал о следующем лекарстве, вдыхала нежный цветочный запах.

– А это чашка для молока, про которую я говорил тебе утром. Она придает целебные свойства любому напитку. Но есть условие – ты должна наполнить ее самостоятельно, так что придется научиться доить корову. Я тебе помогу.

– Ой, я не справлюсь! – воскликнула Роза, однако посмотрела на чашку весьма благосклонно: на ручке красовался крошечный чертенок, словно готовый нырнуть вниз головой в белое молочное море.

– Неужели ты думаешь обойтись молоком, Алек? Я глубоко уверена, что девочке следует принять нечто более действенное! Пропиши ей микстуру! – вмешалась тетюшка Плетти, с подозрением взирая на нововведения, – волшебным кружкам и маковым подушечкам с Востока она предпочитала проверенные средства.

– Хорошо, добавим таблетку, если вы настаиваете, мэм. Ее можно принимать в любых количествах. Лекарство на основе побегов кукурузы и риса, активно использовалось в прошлом и, надеюсь, будет использоваться в будущем.

– Как необычно! – сказала тетюшка Изобиллия, с почтительным интересом рассматривая таблетки сквозь очки.

Дядя Алек едва смог сохранить серьезный вид.

– По одной таблетке каждое утро. А теперь спокойной ночи, дорогая!

Он сердечно поцеловал пациентку на прощанье.

Когда девочка скрылась за дверью, запустил обе пятерни в волосы и воскликнул в шутовском отчаянии:

– О, тетюшка, как подумаю, какую ответственность на себя взял, так и подмывает сбежать и не появляться до ее восемнадцатилетия!

Глава пятая

Пояс и коробка

На следующее утро Роза вышла из спальни с чашкой в руках и сразу же наткнулась на доктора Алека, который стоял в дверях комнаты напротив и внимательно осматривался. Заметив Розу, он обернулся и запел:

– «Куда идешь, красавица?»

– «Доить корову, сэр!» – пропела в ответ Роза, помахав чашкой.

Конец песни они исполнили стройным дуэтом.

Не успели они закончить, в дальнем конце коридора приоткрылась дверь, и показалась голова в огромном, щедро украшенном кружевами ночном чепце, напоминающем растрепанный кочан капусты.

– Зачем вы поднялись в такую рань? – воскликнул изумленный голос.

– Утренняя распевка, мэм! – Доктор Алек по-военному отсалютовал тетушке и спросил: – Можно мне занять эту комнату?

– Занимай любую, кроме комнаты сестренки Идиллии.

– А разрешите ли прошерстить чердаки и кубрики на предмет подходящей мебели?

– Мальчик мой, хоть весь дом переверни, только не уезжай!

– Заманчивое предложение, тетушка, теперь я точно останусь. Вот мой маленький якорь, так что в этот раз я еще успею вам надоесть!

– Ты – никогда! Роза, надень пальто! Алек, не слишком утомляй ее своими выходками! Да, сестра, иду!

Кочанообразный чепец вновь скрылся за дверью.

Первый урок дойки вышел презабавный; Роза натерпелась страху, однако после ряда неудачных попыток все же наполнила кружку молоком. Бен следил за хвостом коровы Кашки, чтобы она им не размахивала, а доктор Алек держал голову – чтобы не оборачивалась на новую доярку. Корове и то, и другое сильно не нравилось.

– Нахохотались мы вволю! Однако ты, кажется, замерзла, – заметил доктор, когда они вышли из хлева. – Пробегись-ка по саду, сразу согреешься.

– Дядюшка, я уже не ребенок, чтобы бегать! – чопорно возразила Роза. – Мисс Пауэр говорит, что девочкам после десяти лет бегать не полагается – они же будущие леди!

– Возьму на себя смелось оспорить мнение мадам Пауэр-Шмауэр. Пробегись – это я как лечащий врач приказываю! Вперед! – отрезал доктор Алек и сопроводил свои слова решительным жестом.

Роза тут же сорвалась с места и побежала со всех ног. Она очень старалась угодить дяде и носилась вокруг клумб, пока не запыхалась окончательно. Вернувшись к крыльцу, девочка рухнула на ступени, и щеки ее были краснее алой накидки.

– Умница! Вижу, конечности еще не отказали, хоть ты и старше десяти. Вот только пояс жмет. Расстегни его, тогда вздохнешь свободней.

– Ничуть не жмет, сэр! Я дышу нормально! – возразила Роза, пытаясь восстановить дыхание.

В ответ дядя поднял ее на ноги и расстегнул новый пояс – предмет Розиной гордости. Как только застежка ослабла, пояс раздвинулся на несколько дюймов, и девочка не сдержала облегченного вздоха, противоречащего ее словам.

– Надо же, правда жмет! Не замечала... Конечно, если пыхтеть как паровоз, любой пояс лопнет! Но ведь я не пыхчу и почти никогда не бегаю, – рассуждала Роза, неприятно удивленная открытием.

– Ты и вполтину не используешь объем легких, поэтому эта штукавина тебе не мешала! Кто придумал зажимать тоненькую талию тесным ремнем из кожи, когда организм должен расти! – проворчал доктор Алек, с неприязнью рассматривая пояс, а затем передвинул застежку на несколько делений назад, чем разочаровал Розу.

Она гордилась стройной фигурой и не уставала радоваться, что она не такая толстушка, как ее бывшая одноклассница Лали Миллер, которая безуспешно пыталась похудеть.

– Слишком свободно – он упадет! – обеспокоенно сказала Роза, пока дядя возился с ее драгоценным поясом.

– Будешь дышать в полную силу – не упадет. А я хочу, чтобы ты дышала, а когда привыкнешь, мы еще немного ослабим и будем продолжать в том же духе, пока ты не превратишься в богиню здоровья, как Фиби, и не перестанешь походить на журнальную модницу – вот уж страшилища!

– Ну и видок у меня! – воскликнула Роза, недовольно глядя на повисший на тонкой талии пояс. – Я его обязательно потеряю и буду переживать, потому что он ужасно дорогой – тут настоящая сталь и русская кожа... Вы только понюхайте!

– Потеряешь, подарю другой, еще лучше. Шелковый кушак подойдет юной красавице гораздо больше, чем эта сбруя; в моих запасах полно итальянских шарфиков и турецких кушаков. О, я смотрю, ты повеселела! – Дядя ущипнул племянницу за щеки, на которых внезапно заиграли ямочки.

– Это, наверное, глупо, но мне очень приятно, что... – Тут Роза запнулась, покраснела и в смущении потупилась, – ...вы считаете меня красивой...

– Не тщеславие ли это, Роза? – строго спросил доктор Алек, хотя глаза его весело поблескивали.

– Боюсь, тщеславие... – пролепетала Роза, спрятав зардевшееся лицо за волосами.

– Тщеславие – большой грех! – притворно вздохнул он, словно удрученный признанием.

– Я знаю и пытаюсь с ним бороться! Однако мне часто делают комплименты, и это приятно, хоть и не должно быть! И потом... я ведь и правда не очень страшная...

Последние слова и тон, которым они были сказаны, заставили доктора Алека расхохотаться, к великому облегчению Розы.

– Согласен. А чтобы быть еще менее страшной, надо окрепнуть, как Фиби.

– Как Фиби? – вскричала Роза с таким изумлением, что дядя едва подавил смех.

– Да, Фиби. Тебе не хватает ее здоровья. Если бы девочки поняли, что такое настоящая красота, и перестали себя утягивать, морить голодом и отбеливать! Сэкономили бы невероятное количество времени и денег, а также избавились бы от лишних мук. Лучший рецепт красоты и для женщин, и для мужчин – здоровая душа в здоровом теле. Понимаешь, дорогая?

– Возможно, сэр, – ответила Роза, уязвленная сравнением с девочкой из работного дома. Потом с горечью выпалила: – По-вашему, мне нужно драить полы, чистить горшки, носить старые коричневые платья и закатывать рукава, как Фиби?

– Было бы чудесно, если бы ты могла работать наравне с ней и у тебя были бы такие же сильные руки. Утром Фиби по локоть в мыльной пене мыла ступени на заднем крыльце, распевая словно черный дрозд – ничего более прекрасного я давно не видел!

– Вы самый странный человек на свете – вот что я думаю! – воскликнула Роза, пораженная дядиным дурным вкусом.

– Ты и половины моих странностей не знаешь, тебя ждут более сильные потрясения, – ответил тот загадочно.

Роза была рада колокольчику, она и так слишком явно показала, насколько сильно задето ее самолюбие.

– Коробка распечатана и ждет тебя в тетиной гостиной, ройтесь в ней сколько душе угодно; я же буду занят все утро, собираюсь привести в порядок свою комнату, – объявил доктор Алек сразу после завтрака.

– Можно я помогу? – спросила Роза, которой очень хотелось быть полезной.

– Нет, спасибо. Если тетушка Изобиллия не возражает, я ненадолго одолжу Фиби.

– Для тебя – все что угодно, Алек. Я тебе тоже, вероятно, понадобится, так что пойду распоряжусь насчет ужина и буду готова! – сказала старушка.

Ей было любопытно, что на этот раз затеял любимый племянник.

«Ну и ладно! Я еще докажу, что многое умею лучше Фиби!» – подумала, встряхнув головой, Роза и побежала к тетушке Идиллии посмотреть на долгожданную коробку.

Любая девочка легко представит себе, как прекрасно Роза провела время, погружившись в море сокровищ и выуживая одну прелестную вещицу за другой. Вскоре воздух наполнился ароматами муската и сандалового дерева, комната повеселела от ярких тканей, а Роза пришла в неописуемый восторг. При виде чудесной шкатулки для рукоделия из слоновой кости Роза простила дяде овсяную кашу на завтрак; обнаружив кушаки всех цветов радуги, смирилась с ослабленным пояском, а невероятно симпатичные пузырьки с розовым маслом немного смягчили обидный намек на то, что Фиби ее красивее.

Доктор Алек тем временем поймал тетушку Изобиллию на слове и действительно переворачивал дом вверх дном. В комнате намечались революционные преобразования – темно-алые занавески, связанные в узел, были унесены прочь сильными руками Фиби, железная печь перекочевала в подвал на плече Бена, а большой кроватный каркас разобрали на части и отнесли на чердак с помощью трех пар рук. Тетушка Изобиллия сновала между кладовой, сундуками и бельевыми шкапами.

Что именно затеял ее любимый племянник, до поры до времени останется в секрете от читателя. Роза иногда поднимала глаза от коробки и видела, как дядя проходил по коридору с бамбуковым стулом, затем с парой старинных подставок для дров, странной японской ширмой, ковриками и, наконец, принес, держа над головой, большую лохань для купания.

– Какая любопытная выйдет комната! – сказала Роза, угощаясь рахат-лукумом из далекого Каира.

– Тебе наверняка понравится, дорогуша! – откликнулась тетушка Идиллия с улыбкой, подняв глаза от рукоделия – она шила симпатичную вещицу из голубого шелка и белого муслина.

Роза не заметила тетиной улыбки, потому что как раз в этот момент дядя остановился в дверном проеме, и девочка вскочила на ноги, пустилась в пляс и затараторила, светясь детской радостью:

– Посмотрите на меня! Посмотрите! Сама себя не узнаю – такая я прекрасная! Я, наверное, все неправильно надела, но мне ужасно нравится!

– Яркая, как попугайчик в феске и кабае, просто сердце радуется! Черная тучка превратилась в раду! – произнес дядя Алек, с одобрением оглядывая разноцветную фигурку.

Он не стал говорить вслух, однако подумал, что Роза сейчас гораздо красивей Фиби – с сиреневой феской на белокурых волосах, несколькими блестящими шарфиками на поясе и в потрясающей алой курточке – с золотым солнцем на спине, серебряной луной на груди и звездами разных размеров на рукавах. На ножках красовались турецкие шлепанцы, на шее – бусы из янтаря и коралла, в одной руке Роза держала бутылочку с нюхательными солями, а в другой – коробочку с острыми восточными леденцами.

– Я как принцесса из «Тысячи и одной ночи». Не удивлюсь, если найду в коробке ковер-самолет! Но как же мне отблагодарить вас за прекрасные подарки?..

Роза задумалась и перестала танцевать.

– В знак благодарности отложи черные платья и надевай яркие, которые я привез, – в твоём возрасте не полагается долго носить траур. Тогда и у тебя настроение поднимется, и мрачный старый дом повеселеет. Правда, тетя?

– Думаю, ты прав, Алек! Хорошо, что мы ещё не начали шить весенний гардероб, а то Майра говорила – ничего ярче фиолетового нельзя, а Роза и без того слишком бледна.

– Я должен лично дать мисс Хэмминг рекомендации по гардеробу. Вы удивитесь, насколько я сведущ в вопросах подрубания краёв, сборок, проёмов, а также распрямления косых линий! – начал доктор Алек, с видом знатока похлопав по стопке муслина, сукна и шелка.

Он не смог дальше похвастаться своими знаниями, так как Роза и тетушка Идиллия рассмеялись. Когда они успокоились, доктор Алек добродушно сказал:

– Смейся на здоровье – скорее вырастешь в новый размер пояса, поэтому хохочи, Моргана, а я вернусь к работе, а то никогда не закончу.

– Про «косые линии» было забавно, я не удержалась! – сказала Роза и, вдоволь насмеявшись, вернулась к коробке.

Потом она серьёзно заметила:

– Тетушка, зачем мне столько подарков? Вот бы поделиться с Фиби... Если дядя не против...

– Он не будет возражать. Но эти вещи не для Фиби. Ей скорее подойдут твои старые платья, если их перешить, – ответила тетушка Идиллия рассудительным тоном, который может показаться докучливым, когда на нас находит приступ щедрости.

– Мне кажется, она гордая и поношенные вещи ей не понравятся, я бы лучше подарила ей новые. Старые можно отдать сестре, но мы же не сестры – выйдет нехорошо, понимаете? О, как я славно придумала! Я её усестерю! – просияла Роза.

– Никогда о такой процедуре не слышала... Однако ты можешь спросить у Фиби, согласна ли она быть названной сестрой, и в любом случае быть к ней добрей. В конце концов, все мы сестры и должны помогать друг другу.

Тетушка посмотрела на Розу с одобрением, а той так нестерпимо захотелось срочно уладить дело, что она бросилась на кухню, не снимая нарядов. Фиби сосредоточенно чистила металлические подставки для дров и вздрогнула, когда раздался возглас:

– Понюхай, попробуй, посмотри!

Фиби понюхала розовое масло и с полным ртом рахат-лукума во все глаза наблюдала за маленькой Морганой, которая важно рассказывала по кухне, словно яркий попугайчик.

– Вот тебе на! Какая ж вы красивая! – только и сказала она, всплеснув перепачканными руками.

– У меня наверху куча красивых вещей, и я все тебе покажу. Я бы с удовольствием поделилась, но тетушка считает, что они тебе не пригодятся и лучше подарить тебе что-нибудь другое. Фиби, можно я тебя усестерю?

– Мисс Роза, вы что, ума лишились?

Неудивительно, что Фиби задалась подобным вопросом, потому что Роза тараторила без умолку и странно выглядела в новом наряде. Видя замешательство Фиби, Роза остановилась и серьёзно пояснила:

– У меня много всего, а у тебя мало – это ужасно несправедливо! Я бы хотела быть тебе родной сестрой, и тетушка Идиллия говорит, что все мы в конце концов сестры. Ты согласна?

К крайнему удивлению Розы, Фиби села на пол, зарылась лицом в фартук и долгое время молчала.

«Ну вот! Обиделась! Что же теперь делать?» – подумала Роза, испугавшись такой реакции на своё предложение. Она попыталась заглядеть вину и, запинаясь, принялась оправдываться:

– Прости меня, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть...

Фиби снова ее удивила: она уронила на колени фартук, лицо ее сияло улыбкой, хотя на глазах блестели слезы. Она обвила Розу руками и проговорила, смеясь и плача:

– Вы самая чудесная девочка на свете, и с вами я на что угодно согласна!

– Значит, ты одобряешь мой план? Ты плакала не потому, что мои слова прозвучали... снисходительно?

– Одобряю – можно и так сказать! А плакала я потому, что никто никогда не был ко мне так добр. Снисходительно? Да ходите вдоль и поперек, я возражать не стану! – воскликнула Фиби, до глубины души тронутая словами Розы.

– Давай играть, что я добрый эльф из коробочки или крестная фея, которая спустилась по дымоходу, а ты Золушка и должна загадать желание, – сказала Роза, пытаясь придумать способ осторожно выведать, чего хочется Фиби.

Фиби раскусила ее замысел, потому что, хоть и воспитывалась в рабочем доме, была чуткой натурой от природы.

– Ничего я сейчас не хочу, мисс Роза! Разве что отблагодарить вас за все, что вы для меня сделали, – сказала она, стирая тыльной стороной ладони слезинку, которая, нарушая торжественность момента, повисла на кончике носа.

– Я же ничего не сделала, просто угостила тебя конфетами! Вот, возьми еще! Будешь работать и есть, а заодно подумаешь, чего бы тебе хотелось. Я должна идти прибирать комнату, так что до свидания! Не забудь – мы теперь сестры!

– То, что вы мне подарили, слаще любых конфет, и я всю жизнь буду вам благодарна!

Фиби отерла шершавые руки от пыли, сердечно пожала ладошку Розы и проводила ее до двери сияющим благодарным взглядом черных глаз.

Глава шестая

Комната дядюшки Алека

Вскоре после обеда (Роза не успела ознакомиться и с половиной своих богатств) доктор Алек предложил проехаться и завезти первую партию подарков тетям и кузенам. Роза с готовностью согласилась, так как ей не терпелось примерить пушистый бурнус из коробки – с очаровательным капюшоном и забавными кисточками, которые весело болтались при ходьбе.

Большая карета была забита свертками, даже у Бена на облучке громоздились индийские боевые дубинки, громадный воздушный змей из Китая и пара отполированных бычьих рогов из Африки. Доктор Алек – загорелый и одетый во все синее, сидел, вытянувшись в струнку, и с удовольствием оглядывал окрестности, а Роза, завернувшись в свою нарядную и удобную накидку, откинулась на спинку и воображала себя восточной принцессой в окружении верных подданных.

Три первых визита были краткими: у тетушки Майры разыгралась простуда, тетушка Клара принимала гостей, а тетушка Джейн с таким пылом принялась обсуждать население, производство и политику Европы, Азии и Африки, что даже дядя Алек не выдержал и поспешил откланяться.

– Теперь-то мы повеселимся! – воскликнула Роза со вздохом облегчения, когда экипаж стал взбираться на холм к дому тетушки Джесси. – Надеюсь, мальчики дома!

– Я специально решил заехать сюда в последнюю очередь – мальчишки как раз успеют вернуться из школы. Да, вот и Джейми – встречает в воротах! Клан наверняка в сборе!

Завидев приближающихся гостей, Джейми издал пронзительный свист, который эхом откликнулся из дома, из хлева и с полей, и братья сбежались с разных сторон, крича «Да здравствует дядя Алек!». Они набросились на экипаж, как грабители с большой дороги, растащили все свертки до единого, взяли в плен пассажиров и, торжествуя, отконвоировали их в дом.

– Мапочка! Мапочка! Они приехали с горой гостинцев! Спускайся! Смотри, как здорово! Поторопись! – кричали Уилл и Джорди.

Потом мальчики дружно разрывали бумажные обертки и азартно резали бечевки, и скоро аккуратная комната потонула в беспорядке.

Тетушка Джесси спустилась, даже не завязав ленты чепчика; впрочем, лицо ее светилось радостью, и небрежно накинутый головной убор никак не портил картину. Она едва успела поприветствовать Розу и доктора, потому что мальчишки окружили ее, и каждый требовал, чтобы она посмотрела на его подарок и поделила радость. Тетушка Джесси радовалась не меньше детей и не обращала внимания на свист дубинок над головой и развернувшееся в опасной близости сражение на бычьих рогах. Она сидела, усыпанная дарами со всех концов света, окруженная семьей восторженными мальчишками, наперебой требующими внимания.

Тетя не возражала, напротив, она казалась очень довольной! Она улыбалась, восхищалась, давала пояснения и, казалось, ничуть не смущалась гвалтом. Роза же вынуждена была заткнуть уши, а дядя Алек пригрозил, что немедленно уедет, если буйство не прекратится. Угроза возымела действие, и наступило временное затишье; дядя устроился в уголке и принимал благодарности, а тетя на другом конце комнаты вела доверительный разговор.

– Ну что, дорогая, как ты поживаешь? Надеюсь, лучше, чем неделю назад?

– О, тетушка Джесси, теперь, когда приехал дядя, я очень счастлива. Он делает престранные вещи, однако он очень добр ко мне, и я его уже полюбила.

Роза прильнула к ней и поведала обо всем, что произошло за последние дни, завершив рассказ восторженными отзывами о восхитительной коробке.

– Я очень рада, дорогая. Однако должна тебя предупредить – не позволяй дяде слишком себя баловать.

– Но мне нравится, что он меня балует, тетушка!

– Не сомневаюсь. Однако если по истечении года эксперимент не даст плодов и дурно на тебе отразится, все обвинят дядю. Было бы жаль, правда? Ведь дядя хочет столько для тебя сделать и обязательно осуществит замыслы, если его доброе сердце не станет помехой трезвым суждениям.

– Я об этом не подумала... Постараюсь не стать слишком избалованной! Вот только как?... – заволновалась Роза.

– Выполняй без капризов его полезные рекомендации, отвечай ему не только любовью, но и послушанием, иногда пересиливай себя.

– Я постараюсь! Правда! А если буду тревожиться о чем-то, можно прийти к вам за советом? Дядя сказал обращаться к вам, и, кажется, с вами я могу спокойно поговорить!

– Конечно, дорогая! Приходи с любыми бедами, для чего еще нужны матери, правда? – ответила тетя Джесси и прижала к своему плечу кудрявую головку, глядя на девочку с нежностью – она знала, что нужно ребенку больше любых лекарств.

Розе стало уютно и спокойно, и она сидела не шевелясь, пока не раздался голосок:

– Мама, не подарить ли мне немного ракушек Носишке? Роза поделилась подарками с Фиби, и это очень мило с ее стороны. Можно я тоже поделюсь?

– Носишка? Кто это? – встрепелась Роза, заинтригованная необычным именем.

– Куколка. Хочешь, покажу? – спросил Джейми, который услышал краем уха историю с усестерением и очень впечатлился.

– О, я люблю кукол. Только не говори мальчикам, а то они меня засмеют.

– Надо мной не смеются, хоть я много играю с куколкой – она меня больше всех любит! – похвастался Джейми и побежал за своей любимицей.

– Я тоже привезла куклу, но прячу ее. Я уже слишком большая для кукол, но выбросить рука не поднимается. Я так ее люблю! – доверительным шепотом призналась Роза.

– Приходи и играйте вместе с Джейми сколько угодно, у нас куклы не запрещаются, – ответила тетя Джесси, пряча улыбку.

Когда Джейми вернулся, стало понятно, что позабавило тетушку, ибо куколкой оказалась четырехлетняя девочка, которая проворно вбежала в комнату на толстеньких ножках, кинулась к ракушкам, набрала полные руки и объявила, обнажив в широкой улыбке маленькие белые зубки:

– Лакушки Джейми и мне!

– Знакомься, это куколка! Правда милая? – сказал Джейми, с гордостью глядя на малышку, и, подражая братьям, принял мужественную позу – ноги широко расставлены, руки заложены за спину.

– Она милашка. Почему ты зовешь ее Носишка? – спросила очарованная Роза.

– Она невероятно любопытная и повсюду сует свой маленький носик. Почемучка ей не подошло, и ее прозвали Носишкой. Не очень красиво, зато выразительно.

Прозвище и впрямь было подходящим. Закончив осмотр ракушек, деловая девчушка принялась хватать все, до чего дотягивалась, и продолжала исследования, пока Арчи не застал ее с шахматной фигуркой из слоновой кости во рту – девочка проверяла, не леденец ли это. К тому времени она успела набить кармашки китайскими картинками на рисовой бумаге и чуть не расколола страусиное яйцо (подарок Уиллу), попытавшись на него усесться.

– Забери ее, Джим! Это невозможно, она хуже, чем стая щенков! – потребовал старший брат, сгреб нарушительницу порядка в охапку и передал Джейми. Тот принял ношу с распростертыми объятиями и предостерег:

– Поосторожней! Я собираюсь Носишку усестерить, как Роза усестерила Фиби, и тогда вам, верзилам, придется ее уважать!

– Усестеряй на здоровье! А я подарю тебе клетку, а то долго она у нас не задержится – этот ребенок проворней обезьянки! – ответил Арчи и отошел к остальным, а тетя Джесси, предвосхищая взрыв возмущения, поспешила напомнить Джейми, что время визита подошло к концу и Носишке пора домой.

– Моя куколка с твоей не сравнится, правда? Она говорит, поет и танцует, а твоя ничего этого не умеет, да? – спросил Джейми, с гордостью разглядывая Носишку, а та как раз, забавно приплясывая, пропела известный стишок: «Где ты была сегодня, киска? У кололевы у английской».

После этого роскошного номера она удалилась в сопровождении Джейми: оба дули в раковины, издавая оглушительные звуки.

– Нам пора прощаться, Роза, я хочу доставить тебя домой, пока не стемнело. Прока-тишься с нами, Джесси? – спросил доктор Алек, когда маленький оркестр затих в отдалении.

– Нет, спасибо. А вот мальчишки, я вижу, не прочь проехаться галопом. Если не возра-жаешь, они проводят вас, но заходить не будут. Им можно в гости только в выходные.

Не успела тетушка Джесси закончить, как Арчи скомандовал:

– Тащите сапоги и седла, да не мешкайте!

– Есть! – последовал ответ, и через секунду мальчиков и след простыл – остались лишь кучи оберточной бумаги на полу.

Кавалькада спускалась с холма с такой скоростью, что Роза вцепилась в дядин рукав от страха – упитанные старые лошади нервничали из-за скачущих по бокам пони и тоже неслись во весь опор, а впереди громыхал чудесный экипаж – та самая яркая повозка, также запряжен-ная шетландскими лошадками, нещадно погоняемыми Арчи и Чарли. Бен был чрезвычайно доволен поездкой, а мальчишки исполняли один трюк за другим, и Роза подумала, что все же не ошиблась, решив, что приехал цирк.

У крыльца они спешили и, словно почетный караул, выстроились у ступеней кареты – по трое с каждой стороны, а дядя Алек с изяществом подал даме руку. Затем члены клана отсалютовали, по команде вскочили в седла и с неистовым гиканьем понеслись прочь, как лихие арабские наездники (так, по крайней мере, они сами думали).

– Все хорошо, что хорошо кончается! – облегченно вздохнула Роза, взбегая по ступеням крыльца и поглядывая, как мило болтаются кисточки.

Доктор Алек посмотрел на девочку с улыбкой и пообещал:

– Я и тебе куплю пони, как только слегка окрепнешь.

– Ой, я ни за что не сяду на пони – они противные и непослушные! Ворочают глазами и прыгают, я просто умру от страха! – трагически заломив руки, вскричала Роза.

– Разве ты трусишка?

– Я лошадей боюсь.

– Ну ладно. Тогда пойдем посмотришь на мою комнату.

Дядя Алек пошел наверх, не говоря больше ни слова.

Роза пошла следом, вспоминая обещание, данное тетушке Джесси, и сожалея о столь решительном отказе. Через пять минут она пожалела еще больше – и неудивительно.

– Смотри! Что ты думаешь? – спросил дядя Алек, распахивая дверь. Из комнаты выскользнула Фиби с совком для мусора и спустилась по черной лестнице.

Роза вышла на середину и сияющими глазами вбирала чудесное преображение.

Комната годами не использовалась, разве что при наплыве гостей в рождественские праздники. Окна выходили на три стороны: одно на восток – из него открывался вид на бухту, второе на юг – там помахивали зелеными лапами конские каштаны, а третье на запад, где под вечерним небом зеленели холмы. Сейчас в западном окне алел закат, наполняя комнату мяг-

ким светом, шелестело море, на цветущих ветвях чирикали воробьи, желая друг другу доброй ночи.

Сердце Розы прониклось красотой с детской восприимчивостью, и она прежде всего наслаждалась видами и звуками, а затем принялась изучать преобразившуюся обстановку.

Комната, ранее укромная, тихая и одинокая, теперь наполнилась светом, теплом и безыскусным изяществом.

Пол был устлан индийской циновкой, кое-где лежали яркие коврики; в широком камине на начищенных старинных подставках жарко пылали дрова, разгоняя нежилую сырость. По стенам стояли бамбуковые стулья и диванчики, в уютных уголках пристроились затейливые столики; на одном из них красовалась декоративная корзинка, на другом – письменные принадлежности, а на третьем Роза заметила стопку знакомых ей книг. В нише помещалась узкая белая кровать, над которой висела очаровательная фигурка Девы Марии. За полуразвернутой японской ширмой виднелся изысканный бело-голубой туалетный прибор на мраморной подставке, а рядом большая лохань для купания, турецкие полотенца и губка величиной с голову Розы.

«Дядя любит холодную воду, как морж», – подумала девочка, поежившись.

Затем взгляд ее упал на высокий платяной шкаф. Одна дверца была приоткрыта, и Роза увидела заманчивые полочки, ящички и «тайнички», милые сердцу каждого ребенка.

«Там разместились бы все дядины подарки!» – подумала Роза и стала гадать, что же держит там дядя.

– Какой очаровательный туалетный столик! – воскликнула она секунду спустя и подошла к столь притягательному для нее предмету.

Над столиком висело круглое старинное зеркало, на верхнем краю его примостился позолоченный орел, который держал в клюве голубой бант, а тот перевязывал кусок муслиновой ткани, обрамляющей зеркало по бокам. На туалетном столике Роза увидела кисточки с ручками слоновой кости, два высоких серебряных подсвечника, фарфоровую коробочку со спичками, несколько шкатулочек для всякой мелочи и самое главное – пухлую подушечку из голубого шелка, кокетливо отделанную кружевом и украшенную розовыми бутонами по углам.

Подушечка, как и весь столик, поразила Розу в самое сердце, и она лукаво улыбнулась про себя: «А дядя-то щеголь! Ни за что бы не подумала!»

Дядя открыл дверь большого шкафа и сказал, небрежно указывая на содержимое:

– Мужчинам обычно нужно много места для всяких важных вещей. Как ты думаешь, подходящий шкаф?

Роза заглянула внутрь и вздрогнула. На первый взгляд, ничего необычного – одежда и обувь, коробки и сумки. Вот только висели в шкафу не пиджаки, а черные и белые платья, а под ними выстроились в ряд ботинки, которые явно были малы доктору Алеку; из зеленой шляпной коробки торчала серая вуаль, и – никаких сомнений не оставалось – на двери висела сумочка для рукоделия, которая точно принадлежала Розе – она сразу ее узнала по дырявому углу! Роза быстро огляделась и поняла, почему комната показалась ей слишком изящно обставленной для джентльмена, почему у кровати лежит ее молитвенник и Новый завет и зачем здесь подушечка с розовыми бутонами. И тут она вдруг ясно осознала – этот райский уголок приготовлен для нее и, преисполненная благодарности, обвила руками шею доктора Алека и пылко произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.